

Л.И. Абалкин

Трагедия и уроки застойного периода*

Аннотация. В статье рассматриваются основные вопросы, характеризующие социально-экономическое развитие России в рамках СССР в 60—70-х гг. XX столетия.

Ключевые слова: экономическое реформирование, периоды реформ, научно-технический прогресс.

Abstract. This article discusses the main issues, characterizing the socio-economic development of Russia in the USSR in 60—70 of the twentieth century.

Keywords: economic reform, periods of reform, the scientific and technological progress.

Осмысление крупных исторических событий, к числу которых относится застойный период, требует привлечения к их анализу социально-экономических, политических и международных факторов.

В период хрущевской оттепели в России накопился огромный потенциал обновления. Он и выразился в движении шестидесятников, которые многое изменили в общественном мнении, в литературе и культуре в целом. Появились такие поэты, как Е. Евтушенко, Р. Рождественский, А. Вознесенский.

Возникли ростки нового и в экономическом мышлении — хотя в нем еще и сохранились догматизм, начетничество, отрицание зарубежного опыта. Прошли широкие дискуссии о законе стоимости и товарно-денежных отношениях. Статья профессора Е. Либермана «План, прибыль и премия», опубликованная в «Правде» 9 сентября 1962 г., и статья академика В. Немчинова «Социалистическое хозяйствование и планирование производства», появившаяся в журнале «Коммунист» № 5 за 1964 г., вышли в ведущих партийных изданиях. Это придавало им как бы полуофициальный характер. В своей статье В. Немчинов писал: «Залимитированная сверху донизу экономическая система будет тормозить социальный и технический прогресс и под напором реального процесса хозяйственной жизни рано или поздно будет сломана».

Перед страной возникли новые вызовы, ответом на которые стала косыгинская реформа, обозначенная в 1965 г. сентябрьским Пленумом ЦК КПСС. Начавшаяся после него пятилетка стала лучшей за всю историю страны. За 1966—1970 гг. национальный доход вырос на 41%, производительность общественного труда — на 39%, реальные

* К выходу в свет монографии: СССР. Застой / Под ред. Р. Крумма, Л.А. Булавки. М.: Культурная революция, 2009.

доходы на душу населения — на 33%. Ежегодный их прирост составил соответственно 7,8% по национальному доходу, 6,8% по производительности труда и 5,9% по реальным доходам на душу населения.

Важно подчеркнуть, что реформа проходила на подъеме и реальные доходы не снижались, а возрастали. Поэтому высказывавшийся и сегодня тезис о том, что падение доходов является неизбежной платой за радикальные реформы, является историческим мифом.

Косыгинская реформа коренным образом изменила объект управления. Ранее дело касалось верхних эшелонов: от министерств перешли к совнархозам, от них опять к министерствам. Было введено надуманное деление партийных органов на городские и сельские. Теперь дело касалось не надстройки, а изменения базисных экономических отношений. Основным звеном реформы стало производственное предприятие.

Его работа оценивалась не по валовому выпуску продукции (здесь корни «затратной экономики»), а по объему его реализации. Критерием оценки работы предприятия стала прибыль (как это было в начальный период нэпа), из которой формировались средства для развития производства и поощрения трудового коллектива.

Принципиальное значение имело признание относительной экономической обособленности предприятий. При этом ни государство не отвечало по долгам предприятий, ни предприятие — по долгам государства. Это был бесспорный прорыв в существовавшей прежде модели, шаг вперед, хотя его осуществление на практике встретило массу трудностей.

Составной частью косыгинской реформы стало сооружение автомобильного завода в Тольятти. Это был мощный прорыв на Запад. В стране появился народный автомобиль, который вышел и на европейские рынки. Для расширения сбыта началось кредитование покупок дорогостоящих товаров. Появились жилищно-строительные кооперативы.

Однако столь успешное начало реформы было прервано в 1969 г. Страна вступила в трагический период застоя, продолжавшийся почти двадцать лет.

Осмысливая происходящие 40 лет назад события, можно сказать, что отказ от косыгинской реформы был неизбежен. Признание такого вывода позволяет не только оценить историю, но и извлечь уроки для будущего.

Можно выделить три причины поражения косыгинской реформы.

Первое. Осуществление радикальных реформ требует политической воли высшего руководства страны. А ее и не хватало. Высшее руководство хотело, чтобы

было все хорошо, но при условии, что ничего по существу не менялось бы. Это лозунг не реформаторов, а ретроградов. Дряхлеющее партийное и государственное руководство не было готово к радикальным переменам.

Второе. Реформу затормозил сложившийся аппарат административно-командной системы. Он медленно и упорно душил всяческие начинания, рассматривая реформу как очередную кампанию. Массовым настроением здесь было «пережили кукурузу, переживем и экономическую реформу». Понятно, что радикальная экономическая реформа требует не только политической воли высшего руководства, но и обновления кадров аппарата управления.

Третье. Серьезное влияние на свертывание косыгинской реформы оказали внешние факторы. События в Чехословакии, относящиеся к 1968—1969 гг., вооруженное подавление попытки построения «социализма с человеческим лицом» были умело использованы для запугивания руководства страны и фронтального наступления на реформу. Что же касается внешних факторов, то они никогда не должны стоять выше государственных интересов России.

Сохранившаяся к началу застойного периода административно-хозяйственная система пыталась найти ответы на начало бурно развивавшейся научно-технической революции. Однако ее успехи, относящиеся к промышленной эпохе, оказались в принципе не способными овладеть достижениями качественно новой ситуации, связанной с преобразованиями в науке и технике. А эта ситуация требовала создания надежной системы обратных связей, быстрой адаптации к меняющимся условиям, демонополизации экономики и развития конкуренции.

Вывод, который вытекает из данного факта, показывает отсутствие «вечного» хозяйственного механизма, игнорирующего своеобразие каждой эпохи. Это еще один урок истории, имеющей существенное значение для теории и практики экономических реформ.

Началось торможение научно-технического прогресса, усилилось отставание от Запада. Приоритетно развивались лишь отрасли военно-промышленного комплекса, поглощающего огромные инвестиции. Гражданское производство получало все меньше ресурсов.

Происходило снижение темпов роста обобщающих макроэкономических показателей. Средний прирост национального дохода в 1971—1975 гг. составил 5,7%, а в 1976—1980 гг. — 4,3% по сравнению с его увеличением в 1966—1970 гг. на 7,8%. В 1971—1975 гг. производительность общественного труда выросла на 25%, а в 1976—

1980 гг. на 17% по сравнению с ее повышением в годы косыгинской реформы на 39%. Снизилась и темпы прироста реальных доходов населения с 5,9% в 1966—1970 гг. до 4,4% в 1971—1975 гг. и 3,4% в 1976—1980 гг. К началу 1980-х гг. темпы прироста практически свелись к нулю.

За двадцатилетний период застоя Россия пропустила три этапа научно-технической революции. Речь идет о переходе к компьютерным технологиям, политике ресурсосбережения и так называемой «зеленой революции». Это серьезно осложнило дальнейшее совершенствование экономического механизма и ухудшило геополитическое положение страны.

Не менее сложным и даже трагическим стало то, что в стране оказалось не востребованным целое поколение людей, обладающих знаниями, инициативой и пониманием того, что требовалось стране. Такие потери необратимы, и сегодня пока не ясно, как восполнить этот пробел с учетом реальных изменений в системе ценностей, в психологии и культуре народа, в его ментальности.

С 1982 г. началась смена генеральных секретарей ЦК КПСС, в которых воплощалось высшее политическое руководство страны. Однако ни к каким изменениям к лучшему это не привело. Возрождение надежды на изменение ситуации к лучшему было связано с появлением на политическом олимпе Ю. Андропова. Люди как-то сразу поверили ему, искренне поддержали решительные меры по наведению порядка в стране. Однако времени ему было отпущено до обидного мало, а сам он был не слишком многословен.

Однако он начал привлекать к руководству страной новых людей, подбирал команду. Он нашел и высказал слова, которые навсегда остались в памяти: «мы плохо знаем страну, в которой живем и трудимся». А сколько раз еще будем вспоминать мудрое предупреждение: стать собственником и быть действительно рачительным и эффективным хозяином — это далеко не одно и то же...

И даже с началом перестройки застойный период не закончился.

Автору статьи пришлось выступить в июне 1988 г. на XIX партийной конференции. Оно состоялось в первый день работы конференции. Перед этим делегаты прошли через встречи с научными коллективами и выборами на районной партконференции. Перед выступлением у меня был большой научный задел и выступал я как академик, директор Института экономики Академии наук СССР.

На это выступление была достаточно острая реакция как у участников конференции, так и в обществе в целом. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. Горбачев

резко выступил после моей речи и обвинил в приверженности «экономическому детерминизму». В то время открытая критика на партийных форумах и в печати не стала нормой жизни общества. «Важно подчеркнуть со всей определенностью, — говорилось в моем выступлении, — что радикального перелома в экономике не произошло и из состояния застоя она не вышла».

Говорилось о росте материалоемкости и экономики, о том, что состояние потребительского рынка ухудшилось. Особое беспокойство вызывало положение в сфере научно-технического прогресса, где отставание от мирового уровня нарастало и принимало все более угрожающий характер. Пришлось сказать о мнении экономической науки, согласно которой нельзя рассчитывать на успех, действуя вопреки объективной логике жизни, не считаясь с ее законами.

Привел и высказывание одного из российских экономистов Н. Тургеневой: «Основательное знание экономики политической есть обязанность управляющих государством; и можно смело сказать, что всякое правительство, которое не будет понимать правил сей науки или будет презирать оные, необходимо должно погибнуть от финансов».

Принципиальной оценки была подвергнута концепция преобразований, нацеленная на одновременное обеспечение количественного роста и качественных преобразований. «С точки зрения науки эти задачи несовместимы. Если у кого-то еще оставались сомнения определенное время, то прошедшая половина пятилетки подтверждает правильность этого вывода. Надо было выбирать: или количество, или качество. С учетом наших традиций и опыта очевидно, чему было отдано предпочтение.

Надо ясно понимать — и это тоже нужно отразить в наших представлениях, в наших выводах, — что, продолжая ориентацию на объемный, чисто количественный рост экономики, мы не в состоянии решить проблему кардинального улучшения качества продукции, технического перевооружения народного хозяйства, повышения эффективности, не можем повернуть экономику лицом к потребителю».

Решение названных вопросов произошло примерно через полтора года, когда автор статьи уже работал заместителем председателя Правительства СССР, руководителем Государственной комиссии по экономической реформе. Это произошло на ноябрьской научно-практической конференции 1989 г. в Колонном зале Дома союзов. На ней была представлена концепция «Радикальная экономическая реформа: первоочередные задачи и долговременные меры». Концепция включала в себя три этапа с четкой разбивкой задач, решаемых на каждом из них.

Однако судьба намеченной реформы и ее последствия выходят за пределы рассматриваемой темы.